Уланова Галина 08.04.98

Хочу уйти достойно

Культура. – 1998. – 2–8 апр. – с. 13.

Последнее интервью Галины Улановой нашей газете

Сначала в ответ на мою просьбу об интервью Галина Сергеевна сказала твердо, хотя и с нескрываемой грустью: "Зачем нужно брать у меня интервью? Я свою жизнь уже прожила и сегодня никому не нужна. Меня сегодня молодые артисты не понимают. Я осталась в другом времени".

И все-таки наша беседа состоялась.

Галина Сергеевна очень хотела рассказать о своем времени и о себе. Но ей не хотелось, чтобы это была обыденная речь: "Когда излагаешь словами, уходит главный смысл. Написанное должно быть... как у Шекспира или, как у Пушкина. Только тогда это можно публиковать".

Но в конце концов мы решили, что такая, не "хрестоматийно-глянцевая", а живая, искренняя Галина Уланова не менее важна для истории, для будущего нашего балета.

Встречая Уланову в театрах, люди старшего поколения благоговейно замирали. Молодые, профессионально не связанные с балетом, уже не знали ее в лицо, спокойно проходили мимо, иногда небрежно задевая рукавом.

Изящная, невероятно элегантная, она сохраняла свой, улановский стиль в одежде, прическе, замкнуто-сдержанной манере держаться. Беззащитная хрупкость ее внешнего облика сочеталась с критически строгим, довольно суровым взглядом на себя саму и на окружающих. Так, бросив взгляд на свою фотографию в "Щелкунчике", помещенную в книге Г.Добровольской, неодобрительно спросила: "Неужели я действительно была такая толстая?".

Вызывали восхищение ее трезвость, чувство собственного достоинства, с каким она отвергала малейшую возможность манипулировать своим мнением, своей славой. Один из глубоко оскорбивших ее эпизодов: "Мне звонили какие-то странные люди и хотели, чтобы я сказала им что-то по поводу новых денег – купюр, на которых будет мое изображение. Чтобы я дала на это согласие. Я просила оставить меня в покое. Кто дал им право вторгаться в мою жизнь?!"

Окружающий мир в последние годы ее настораживал и пугал – шумом автомобильной развязки под окнами, бронированными дверями новых русских фирм, вытесняющих прежних жильцов Котельнической высотки. Она оказалась пленницей этой высотки-тюрьмы. Беспрерывная борьба с подтекающими кранами, старой газовой плитой, лестницей необъятного неухоженного подъезда, входить в который было так же страшно, как в чужую подворотню: "Когда я вхожу в этот незакрывающийся огромный подъезд, я каждый раз боюсь. Мне кажется, что здесь могут убить, и никто не увидит", – повторяла она неоднократно. Это не было навязчивой идеей. Как оказалось, она интуитивно чувствовала, что событие уже висело в воздухе. Вскоре под дверь одной из квартир в их подъезде была подложена бомба.

В конце жизни ее очень изнуряли бытовые неудобства: те развороченные несколько метров тротуара, которые надо было преодолеть, чтобы добраться до машины, присланной из Большого театра. Изнуряла необходимость самой делать звонок и заказывать эту машину (хотя эта машина всегда готова была ее и привезти, и увезти).

Уланова органически не умела просить. Ей было проще обойтись минимальным, ограничить себя. Она очень уставала в последние годы и не раз говорила, как мучителен для нее каждый звонок в ее Большой театр, когда она должна позвонить и сказать своим бывшим ученикам, что не может сегодня встать и приехать. Эта необходимость "отпрашиваться" очень тяготила ее.

Есть особая каста русской интеллигенции, которой претит сама идея выколачивания для себя привилегий. "Я не понимаю молодых, когда, приезжая на гастроли, они не сосредоточиваются на том, как им здесь танцевать, а начинают тратить силы, требуя себе другой номер. Их все не устраивает. Я говорю, пойдемте ко мне, у меня точно такой же номер, как у вас. Они заходят и не понимают – как вы, Галина Сергеевна, не потребуете себе другой? А зачем? Все необходимое есть – главные силы и мысли должны быть о работе, а не о роскоши. Они не понимают меня, а я их".

Ее "кастовость" проявлялась и в органической невозможности поддерживать "свойские" отношения с окружающими. Она была из породы тех людей, что никогда не станут "своими" для монтеров и водопроводчиков и всегда будут жить с подтекающими водопроводными кранами. Что за долгую жизнь так и не научатся ставить на место хамов.

Плохо себя почувствовав, она позвонила в поликлинику на Сивцевом Вражке, где обслуживалась, и попросила прислать врача, чтобы ей измерили давление. Без этого она не могла решить, какие принимать лекарства. А в ответ услышала назидательно-елейный голосок: "Галина Сергеевна, у нас нет сейчас машин, чтобы участковые врачи могли выезжать на дом. Приезжайте сами, здесь мы измерим вам давление". Рассказывая это мне, прокомментировала: "Мне трудно звонить в театр и просить, чтобы мне дали машину съездить к врачу. Да у меня и сил нет".

"Совет" достоин того, чтобы о нем узнали, хотя бы после смерти Улановой. Изменилось время, и для вновь пришедших Уланова – не Единственная, не Неповторимая, а одна из многих "бывших великих" – пенсионерский контингент Сивцева Вражка. И привилегированная поликлиника непринужденно отказала 87-летней Улановой (и ей ли одной?) в том, что получает каждый пожилой москвич у себя в районе. Конечно, Улановой в тот же день люди, поддерживавшие ее постоянно и всегда готовые быть возле нее, принесли аппарат для измерения давления.

Как Уланова не умела и не хотела просить, так же трудно она принимала помощь. Помните старика Болконского? Помните всех этих несгибаемых стариков и старух великой русской литературы? Она была из той породы. С ней ушла не только целая балетная эпоха, ушла порода людей, которые особо остро ощущали свою непринадлежность к этому времени.

Учителя и ученики... По какому космическому закону Учитель, как правило, одинок на склоне лет?

Конечно же, я не задавала такие вопросы Галине Сергеевне, но они неотступно преследовали меня во время нашей беседы. В записи сохранена не только разговорная интонация Улановой, но и нет ни одного не ее собственного слова.

Фото Музыко

Во время VIII Международного конкурса артистов балета в Москве. Июль 1997 г.

– Галина Сергеевна, что тревожит вас в отношении к профессии у молодых?

– Сегодня молодые не хотят репетировать, если они оказываются в третьем, четвертом или в пятом составе в балетном спектакле. Они не хотят понять, что для них, учащих новую роль, она-то и есть всегда первая. Иного отношения к роли, когда репетируешь, быть не может. Она для тебя всегда Первая.

Когда нас после войны в приказном порядке перевели из Ленинграда в Москву для укрепления Большого театра, потому что здесь балет оказался как-то оголенным, мне доставались роли в четвертом, пятом составе, но они становились первыми. Потому что я так сама к ним относилась.

Ты выходишь на сцену, и только от тебя, и ни от кого больше, зависит, каким этот состав станет для спектакля и зрителей. Я по себе знаю, как это непросто, по той тяжелой жизни, которую я прожила здесь, в Москве, где у меня, за исключением Тао Хоа в "Красном цветке", не было премьерных ролей.

– Как теперь работают молодые артисты?

– С ними надо нянчиться. У нас, когда мы были молодыми, нянек не было. Приходил балетмейстер. Показывал порядок твоей вещи. И ты готовил сам. Потом показывал. Сегодня отвыкли работать сами. Они не думают. Никто. Они не работают сами, а привыкли к нам, педагогам, как к нянькам. Я показываю смысл, спрашиваю: "Что ты в этом ощущаешь?" В ответ: "Ничего". А надо, чтобы работала голова и душа. Но если в голове только вопрос, какое купить пальто и какая еда...

Я жила в тяжелое время революции. В училище у нас были классные дамы. Нам давали четвертушку хлеба на день. Мы, маленькие, не понимали, что нельзя съедать все сразу. Наши классные дамы забирали у нас хлеб, чтобы мы его сразу не съедали, и делили его на три раза. Ложечка сахарного песка нам полагалась. Это тоже делили на три раза, чуть-чуть отсыпали на хлеб и тут же увлажняли, чтобы пропитался весь кусок. Было трудно, но, наверное, это научило нас жить главным.

Сейчас другая жизнь. Все шиворот-навыворот. Шикарные девочки – в шикарных шубах, и уже через год после окончания училища больше всего в жизни их волнует собственный шикарный вид. Для чего ей искусство? Только единицы, для которых главное – приобрести в самой профессии.

На гастролях их волнует не то, как, сколько и где им надо репетировать, а комфорт гостиничного номера: маловат, у кого-то лучше – и силы растрачиваются на эту бессмысленность, а не концентрируются на роли, которую предстоит танцевать.

– Как вы, полвека прослужив балету в стенах Большого театра, ощущаете себя в нем сегодня?

– Нынешние, они совсем не знают моей жизни. Я прохожу по театру почти стремглав и быстро-быстро киваю, здороваюсь. Только бы пройти скорее. И когда я так прохожу, чтобы кто-то встал и сказал: "Здравствуйте, Галина Сергеевна", – этого нет. Прежде существовал ритуал интеллигентности. Сегодня он в театре потерян. Это связано с внутренней стороной жизни театра. Дело не в том, что ты с кем-то ближе знаком, с кем-то просто работаешь вместе. Должна существовать, оставаться какая-то грань, определяющая интеллигентность отношений.

– Каким вам представляется нынешнее состояние балетного искусства?

– Наше искусство – очень условное, самое условное. Как к этим условным формам подойти, чтобы был смысл, чтобы он через эти формы раскрылся?

В балете нет такой четкой грамматики, как, скажем, в языке: надо писать "корова" через "о" и по-другому уже нельзя. В балете есть своя школа, свои каноны, но ведь надо развивать, добавлять. Иначе школа вырождается в схоластику. Балерина старается точно по форме воспроизвести движение, но, ничем не наполненное, оно бессмысленно и мертво.

Бессодержательность пусть даже чистенько по форме выполненных движений делает все бессмысленным и несегодняшним. А Искусство существует только там, где есть одухотворенность. Если мне предстояла сцена в саду, я спрашивала себя: какие кусты в нем растут и какие в нем цветы? Я выходила на сцену и танцевала, ощущая аромат этих цветов.

Нечасто рождаются Шаляпины, владеющие одновременно и голосом, и сюжетом. Очень многое зависит от собственной работы – надо развивать себя. Я всегда слушаю оперу с закрытыми глазами. У меня восприятие голоса как части инструмента. Как часто зрительное восприятие исполнителя разрушает образ, созданный звучанием. В балете не говорят, не поют – только через движение нужно выразить все. Но если это будет выполнено очень схоластично да еще и неправильно... Это становится никому не нужным. Сегодня эту неправильность многие артисты в себе не видят и не понимают. Они танцуют как бы "по отдельным буквам", не воспринимая целого "слова", которое само по себе имеет значение. Добиваются точности "буквы", совершенно забывая про смысл слова, не говоря уже о потере смысла всей фразы.

В аттестате у меня была единственная "двойка" – по дисциплине "выразительное движение". Я уже тогда интуитивно понимала: то, что нам показывают как выразительное движение, – это ложь. Во мне все сопротивлялось тому эффектному позированию, которому нас учили в школе. Позднее драматические артисты открыли мне суть выразительности, и я в эту форму вложила естественность.

Искусство балета, сколько его ни разъясняй, нужно видеть. Если душой не поймешь, то даже, несмотря на точное выполнение движения, обессмысливается все. Балерина начинает танцевать с улыбкой до ушей. Действие само по себе в танце развивается, а улыбка до ушей неизменная остается до конца. И все: балета, искусства – нет.

Эта бессмысленность пронизывает все. Мне иногда кажется, что когда ставят заново балет, то не смысл ищут, а стремятся сделать не так, как было прежде. И часто это "не так, как было" оказывается намного хуже. Пушкин. Я стала перечитывать даже не большие его произведения, а стихотворения, которые прежде оказывались вне моего внимания. Поразительно, насколько Пушкин – для сегодняшнего дня. Когда же видишь нынешние балетные работы, они... не для сегодняшнего дня: мы отстаем от Запада или даем то, что там уже было.

– Отчего, на ваш взгляд, это происходит?

– Причина? Воспитывающие люди сами сегодня недовоспитаны. Надо вернуться к естественной жизни. Я как-то слышала, как в скверике воспитательница говорила маленьким детям, играющим в песочнице: "Надо накласть песочек в эту корзину". И дети невольно запоминали это безграмотное выражение и повторяли его. Так и в балете сегодня – учат не так. После этого объясняешь, что хорошо, что плохо и почему, а тебя уже не слышат.

Помимо того, что я родилась в другую эпоху и я человек другого времени... Мы забыли, что такое Сказка и в чем ее очарование. Существование сказки – не только для того, чтобы ребенок уснул. Нельзя, танцуя сказку, выучить только форму и перебирать музыку, как карту. А надо придумать что-то себе. Чтобы это было фантазией, которую ты выражаешь этими движениями. И мы забыли, что мы все люди Природы. А люди (неизвестно, кто их создал) сейчас хуже, чем звери. Надо вернуться к природной, естественной жизни.

– Как вы понимаете, чувствуете, оцениваете сегодняшнюю жизнь?

– Я не понимаю сегодняшнее время, и я ему не нужна. Мне никогда этого не понять. Мама всегда мне говорила: "Ты обязательно спроси педагога, что у тебя плохо". Мама преподавала в балетном училище в младших классах. Меня не с кем было оставить дома, и я постоянно бывала на уроках. Раз я обиженно спросила маму: "Почему на занятиях ты другим делаешь замечания, а мне нет?" "И не думай, – ответила она. – А то скажут, что дочке своей делает". То есть замечание воспринималось как профессиональное внимание. Сегодня все изменилось. Воспринимается странно, самолюбиво.

Вместо серьезной работы – самодовольство и... хитреца какая-то червячья. Посмотришь, начинаешь разбирать: "Все-все на месте. А тут не совсем так..." – и делаешь профессиональные замечания. Сразу же обида: "Сказали, что хорошо, а сколько сделали мне замечаний!"

У кого сегодня осталась привычка работать ежедневно на пределе? "Я еще молодая – могу чуть-чуть разогреть себя и выскочить на сцену..." – это всего лишь до поры до времени. Нельзя смотреть на профессию в балете, только как на заработок.

– Вам бы хотелось что-то еще сделать самой?

– Мне надо написать книгу. Я до сих пор занимаюсь своей гимнастикой, чтобы сохранить тело в форме. У нас в балете очень короткая жизнь, и от чрезмерных нагрузок рано начинается деформация фигуры. Тем более что сейчас после раннего выхода на пенсию многие разминаются чисто спортивно. Я разработала свою систему. Когда я слышу про всевозможные таблетки, подтяжки, операции, на которые уповают сегодня... Мне этого безумия не понять. Когда я вижу педагогов-репетиторов, которые бесформенны и не могут двинуть ни рукой, ни ногой, то о каком обучении может идти речь?

Мне 87 лет. Моя жизнь прожита. Я разочарована в том, что вижу сейчас. Время мое ушло. Ощущение муравейника... Но и там есть главный. Здесь же нет личности.

– Но что-то еще продолжает радовать вас?

– В прошлом году я после очень долгих лет разлуки была в Ленинграде. И вновь восхитилась этим городом. Когда мы были молодые, мы учились искусству не только на улице Росси, мы учились у самого города. Его архитектура, эта большая вода Невы – все воспитывало нас, а не только музеи. Сама я никогда бы не переехала в Москву. Я до сих пор не могу привыкнуть к Москве. Я меньше волновалась, когда первый раз поехала на гастроли в Англию, чем когда нас отправляли в Москву. Моим городом был и остается Ленинград. Я продолжаю чувствовать себя ленинградкой.

– Как вы обычно проводите время?

– Мне уже много лет. Я потеряла близких мне людей. Живу одна. Когда несколько лет назад ушел из жизни человек, за которым я была как за каменной стеной, мне приходилось учиться все делать самой. У меня газовая плита, и я до сих пор иногда обжигаюсь о спички, когда готовлю себе еду.

– А если купить микроволновую печь? Это было бы так удобно при вашей диете...

– Нет. В моем возрасте уже не приобретать надо, а отдавать. Я хочу что-то раздать. Ко мне приезжали из музея, который возник в балетном училище на улице Росси. Что-то надо дать туда. Я прожила сложную жизнь. Но я хочу уйти из жизни, не оставляя после себя ничего лишнего. У меня никогда не было собственной дачи, ничего лишнего. Зачем? За все это надо брать на себя ответственность, содержать и быть обязанным – водопроводчику, монтеру... Занимать голову этим, а не своей профессией? У нас под Москвой много чудесных санаториев. Когда я летом хочу отдохнуть, я беру путевку и уезжаю жить среди природы.

Я хочу уйти из жизни на ногах. Уйти достойно. В моей жизни было много всего, но я хочу уйти, чтобы было все чисто, от всего освободиться. Чтобы ничего не было, кроме четырех стен.

Беседу вела
Юлия БОЛЬШАКОВА

Г. Уланова – Одетта ("Лебединое озеро")

Фото С. ЛИДО

На сцене Гранд-Опера. Май 1954 г.

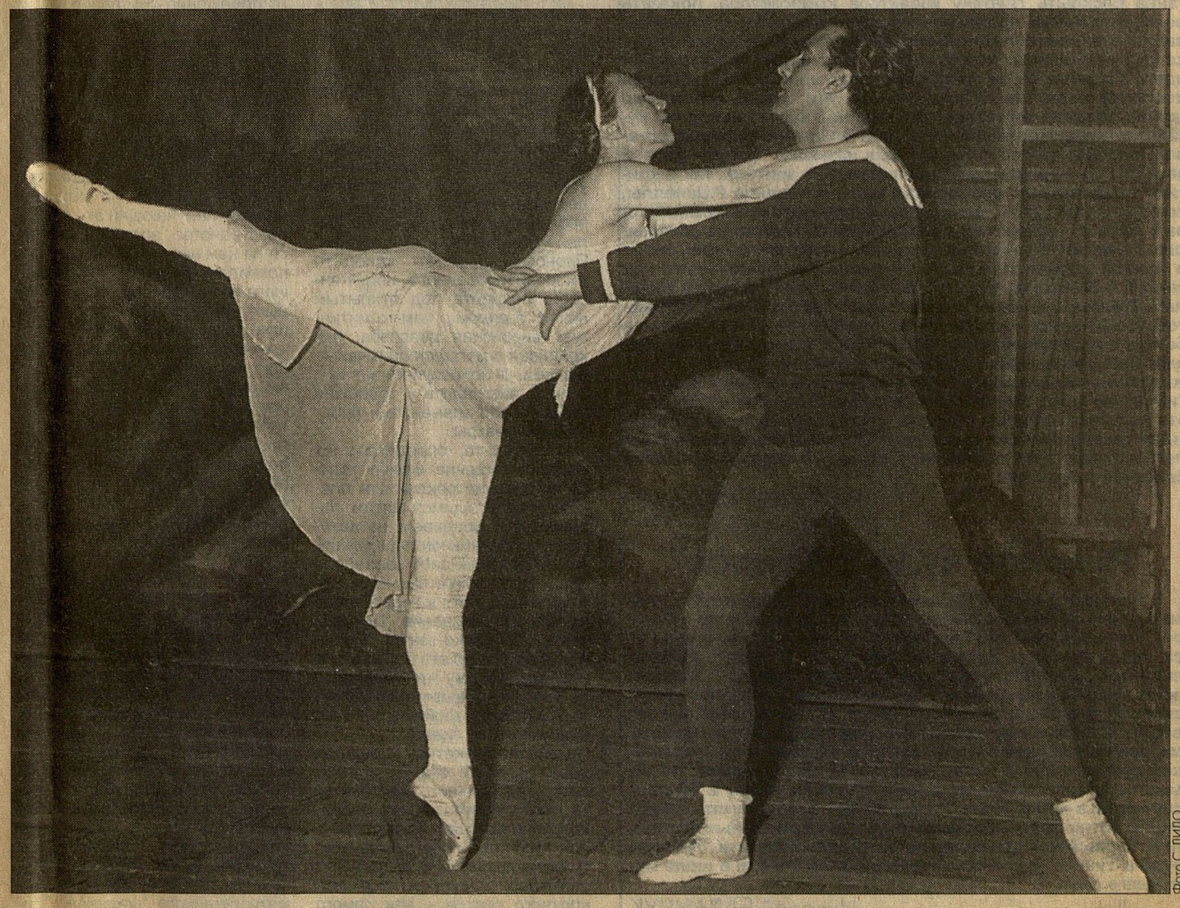

Фото С. ЛИДО

Г. Уланова и Ю. Жданов ("Ромео и Джульетта"). Репетиция несостоявшегося выступления в Гранд-Опера. Май 1954 г.

64